

Это было невероятно. Все это принятие конца, принятие того, что ничего нельзя было сделать. Куда все это подевалось? За последний час она покинула его тело. Может быть, это была усталость, ускользающая от него, это прикосновение реальности, которое показало, насколько неспособным он был на самом деле. Когда ему не было никаких признаков, кроме его клетки, что у него нет способностей, он почему-то считал себя страшным существом.

Трой больше не лежал на полу под настороженной лампой. Нет, теперь он сидел в одном из углов, сгорбившись, чтобы его вообще не было видно. Поначалу у него был некоторый страх перед этой стратегией, молодой человек помнил об опасностях, связанных с темнотой. Доктор Хейл сделал несколько предупреждений о них, о том, что они могут порезать его, прежде чем он поймет, что что-то не так.

Но... этот человек решил для себя больше не верить ей. Она сказала, что хочет так много всего, что хочет, чтобы все эти пытки закончились. Это была одна большая, жирная ложь. Если бы женщина хотела таких вещей, его бы не оставили здесь, не оставили гнить в его темной камере.

Были мысли о том, что они забыли его. Он был здесь уже давно, достаточно долго, чтобы это усталое тело восстановило свои силы. Что бы ни было внутри него, оно каким-то образом вышло наружу, позволив внутренним процессам вернуться к нормальному уровню. Да, боль все еще ощущалась, но это было то, что он научился просто игнорировать. Все чувствовали боль. Нет причин позволять этому мешать ему.

Сидение в сутулой манере заставляло его спину кричать на него, ноги чувствовать, что они стоят на иголках, и его мозг начинал стучать в него молотком в знак протеста. Но Трой было все равно, потому что его позиция была единственным, что он мог предсказать. Его нынешняя форма позволяла ему быть почти полностью скрытым в темноте, только острый глаз мог даже взглянуть на его форму. Неужели они действительно ожидали, что он все это время будет лежать при свете этой слабой лампы? Какими глупыми они, должно быть, были.

За то время, что он остался один, его разум подтолкнул его к одной идее больше, чем к чему-либо другому. Идея сбежать из этого места. По какой бы дурацкой причине он ни был, его разум не желал смириться с собственной кончиной, эта цель выживания была слишком сильной для любой меланхолии, которая была там раньше. Это был медленный захват, которому долго сопротивлялись, но в конце концов он овладел его чувствами.

Но как он мог ожидать побега? Трой все еще оставался в той комнате, камере, называйте как хотите. Не было ни дверей, у которых можно было бы постоять, ни люков, на которые можно было бы посмотреть. Та часть стены, которая была видна, была пустой, никаких видимых обозначений не было. Единственной реальной вещью, на которую можно было смотреть, была эта проклятая лампа.

Никаких выходов, через которые можно было бы заглянуть, никаких окон, через которые можно было бы шпионить. Что еще оставалось делать, кроме как ждать, пока кто-нибудь откроет потайной выход? По крайней мере, так поступила Трой, после нескольких минут поиска в стенах скрытых выключателей. Было бы глупо иметь это, но ему просто нужно было попробовать.

Возможно, это было не самое умное решение - попытаться сбежать, когда кто-то попытался проникнуть в его камеру. Это сводилось к тому, чтобы просто ждать, когда проявится какое-либо человеческое сопротивление. Однако это был единственный реальный выбор, который у него был. Это было единственное решение, которое его разум мог принять как

жизнеспособное, несмотря на низкие шансы на успех, которые оно влекло за собой. Итак, это был план, с которым он согласился, и он будет придерживаться его так долго, как сможет.

Что бы он на самом деле сделал, если бы кто-нибудь повернул ручку и вошел в комнату? Какой генеральный план был у Троя на этот счет? Сначала он подумал о том, чтобы попытаться просто обойти их стороной, пробежать мимо, кто бы это ни был, прежде чем у них появятся какие-либо шансы остановить его. И все же он знал, что это было бы худшим, что он мог сделать. Хотя он мог бы вернуться к своим обычным физическим кондициям, он никак не мог убежать ни от доктора Хейла, ни от доктора Фиделиса. Доктор Хейл одержала верх, когда дело дошло до чистой выносливости, у женщины были внутренние улучшения, которые позволяли поддерживать темп, который больше всего смущал. И доктор Фиделис... Трой не совсем понимал, что может сделать доктор. Он совершал необычайные подвиги в скорости, когда молодой человек отводил взгляд на малейшее мгновение. Было сомнение, что он продвинется хотя бы на метр вперед, прежде чем его остановят, рефлексy быстро остановили его.

Итак... поскольку у него нет шансов убежать от своего похитителя, единственным другим решением было бы исключить этот фактор из игры. Не то чтобы Трой хотел кого-то убить, конечно. Он смотрел эту сказку слишком много раз, чтобы сосчитать, и помнил, что каждая из них заканчивалась хуже предыдущей. Смерть была слишком постоянной для многих, и он был частью этой группы.

Трою просто нужно было вырубить их. Он должен был каким-то образом вывести их из строя. Конечно, это не должно было длиться так долго. Может быть, несколько минут? Он мог бы поработать над этим, хотя предпочел бы еще час или два. Если бы была какая-то тревога, которую можно было бы поднять... он только надеялся, что проект был слишком секретным, чтобы другие исследователи могли знать его имя. Если бы он мог получить что-нибудь, что могло бы ему помочь, он, возможно, смог бы пережить какую-то форму противостояния. Трою просто нужен был какой-то способ подготовиться, собрать инструменты, которые он мог бы использовать.

Это был один из аспектов его плана, который он находил раздражающим. Если отбросить его голые руки, то не было ничего, что он мог бы использовать каким-либо инструментом. Кроме одежды на его теле, в комнате не было ничего, кроме него самого. Или, ну, конечно, там снова была лампа, но Трой не чувствовал необходимости приближаться к ней. Исходя из опыта, о котором он очень сожалел, источник света находился слишком далеко, чтобы его можно было как следует схватить, и был более чем достаточно горячим, чтобы обжечь кончики его пальцев. Это явно было сделано для того, чтобы пресечь любые попытки взобраться наверх. Это был один из его самых ранних планов - подняться в темноте и заставить своих похитителей думать, что он сбежал без их ведома. Это был бы неплохой план, если бы позже он не понял, что с самого начала не смог бы подтянуться по тонкой проволоке. Даже если бы он тренировал свое тело в течение нескольких дней, у него еще не накопилось достаточной силы. Этот факт не был добр к нему.

Сила - это то, чего ему не хватило бы. Зная, что в какой-то момент кто-то должен был вмешаться, Трой был бы не прочь бросить в этого человека еще один килограмм силы. Если бы вошел доктор Фиделис, высокий мужчина повалил бы его на землю меньше чем за секунду. Мужчина был сильным, крупным и, безусловно, не мог сравниться с гораздо меньшим Троем. Если и было что-то, так это его уверенность в том, что он может сделать. И ни за что на свете молодой человек не смог бы взяться за что-то такого размера, каким бы хорошим ни был его день. Весовые категории были бы просто слишком разными.

Трой снова оглядел комнату, должно быть, в третий раз за последнюю минуту. Его глаза были

настороженными, его взгляд из всех сил старался подражать ястребиному. Его глаза постепенно начали приспосабливаться к более низкому уровню освещенности, что позволило ему в какой-то степени видеть другие тени. Не было никакого способа, чтобы какой-либо вход мог открыться там без его ведома. Его глаза не позволили бы этого!

И все же... эта постоянная осторожность оказывала некоторое воздействие на организм. Эта готовность бежать, сражаться и, возможно, встретить свою смерть не была чем-то таким, что могло бы быть положительным. Мужчина чувствовал, что его сердцебиение усиливается каждый раз, когда его нога случайно двигалась, издаваемый писк увеличивал скорость биения в четыре раза на короткое время. Его разум был готов выпустить весь адреналин, накопившийся за эти годы, до такой степени, что единственным возможным конечным результатом стал бы сердечный приступ. Не было никакого способа, чтобы то, что он сейчас делал, могло быть здоровым.

Но это было не похоже на то, что он мог сделать что-то еще. Его сердце все еще билось бы сильно, даже если бы он сел посередине. Каждый услышанный звук все равно пугал бы его. Это все равно заставило бы его поспешно оглянуться. Сидение в углу, по крайней мере, помогло ему получить более широкое представление обо всем этом, единственным слепым пятном было пространство, к которому он прислонялся спиной. И если там, наверху, что-нибудь случится, он непременно почувствует это вовремя. Он просто знал это. Незначительные вибрации движущихся поршней были бы слишком громкими, чтобы их игнорировать, даже если бы они не были заметны человеческому уху.

Воистину, доверять можно было только его глазам. Последние полчаса тщательного наблюдения не прошли бы даром. Даже если бы его подвел единственный человек, который, как он верил, прикрывал его спину, в конце концов он все равно добился бы успеха. Он мог покинуть объект, он мог найти, у кого еще были такие же намерения, как у него, а затем привести всех обратно в то место, откуда он бежал изначально. Он возьмет все на себя, предоставив Адаму свободу, которую заслужил ИИ. Хотя, возможно, в тот момент это название не подходило.

Неужели это событие уже произошло? Был ли Адам уже заменен другой личностью, оставленной верить, что он просто пришел, чтобы жить? Это было возможно. Трой надеялся, что он дал необходимые подсказки, даже если все это было прервано, но этого он терпеть не мог. Все это просто должно было сработать. Может быть, его похититель скажет ему, если он спросит. Возможно, последняя просьба, если его попытка побега провалится. Даже они не могли быть такими бессердечными, верно? Должен же быть какой-то предел всему этому. Люди могли быть злыми, но никто не мог быть безграничным ни в эмоциях, ни в позиции. Все представляли собой смесь, даже если кто-то предпочитал одну сторону другой. Ничто не было чистым, когда дело касалось разумных умов. Трой просто должен был показать этот факт своим похитителям, и, возможно, они позволят произнести одну фразу, прежде чем все это закончится. После попытки побега, конечно.

- Вы понимаете, что все можно увидеть снаружи, мистер Максвелл? Внезапно сверху раздался голос доктора Хейла, которого никто никоим образом не ожидал. Однако откуда он взялся? Посмотрев в ожидаемом направлении, он не увидел ничего, кроме глухой стены, ничего, что могли бы различить его глаза. Непроницаемая белизна ничего не показывала. "Все, что ты делаешь, можно увидеть без проблем, независимо от того, как сильно ты пытаешься скрыть. И, пожалуйста, убери себя из этого отвратительного положения. Хотя я не практикующий врач, я могу сказать по опыту, что это не будет способствовать хорошему здоровью".

Зная, что его позиция каким-то образом была понята, Трой сделал, как его попросили,

вернувшись на середину комнаты. Его удивление уже было раскрыто, но его план все еще не был полностью тщетным. Все еще существовал шанс, что вход проявит себя, даже если общение могло произойти без того, чтобы они были лицом к лицу.

"Где ты находишься?" - Спросил Трой, все еще не видя никаких признаков того, что кто-то может смотреть на него. В углу не было спрятано никакой камеры, ничего такого, что могло бы его выдать. Как она могла видеть его? Во всем этом должен был быть какой-то подвох.

"Прямо сейчас? В данный момент я нахожусь в полуметре справа от вас и на два метра ниже. Кстати, пол прозрачный, - ответила доктор Хейл, сохраняя спокойствие в своих словах.

"Вы здесь, чтобы убить меня, доктор Хейл?" Трой ответил, не желая больше откладывать это.

"Это, безусловно, было моей целью, когда я ехал сюда. Но... был запланирован еще один аспект. Тот, который вы должны принять ", - сказал доктор Хейл.

"Что вы имеете в виду?"

"Вы помните по просьбе доверия? Можно сказать, что сейчас я наживаюсь на этой просьбе ".

<http://tl.rulate.ru/book/81391/2607097>